5 1 2

Е. К. НОЖИНЪ.

Послѣднее слово Генералу Стесселю.

192209

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня К. А. Четверикова. Караванная 7.
1907.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
ОЦИАЛИСТИЧЕСКА
АКАДЕМИЯ

Послѣднее слово генералу Стесселю.

Минуло три года, какъ въ глазахъ близорукихъ людей, оборона Артура злой волей единаго лица неожиданно и предательски сдавшаго его врагамъ, сведена почти на нѣтъ.

Близится время суда надъ лицами, которыя, спасая свою жизнь, нечистыми руками сорвали вѣнецъ славы съ Артурскаго гарнизона.

Близокъ часъ приговора, передъ авторитетнымъ голосомъ котораго смолкнетъ все и, подчинившись, будетъ ждать суда исторіи.

Въ теченіи трехъ долгихъ лѣтъ нѣсколько комиссій изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и авторитетныхъ юристовъ собирали огромный историческій матеріалъ по оборонѣ и сдачѣ Артура, вылившійся въ концѣ концовъ въ формѣ обвинительнаго акта, ошеломившаго Россію и весь міръ.

Въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ пытливый читатель не находитъ ничего подобнаго, чему мы были ближайшими свидѣтелями въ перепитіяхъ великой обороны Артура.

Печальной памяти генералъ, которому была ввѣрена столь серьезная задача — оборона Квантуна, имя коего Стессель, противъ котораго обвинительный актъ грядущаго суда людей выдвигаетъ нескончаемый рядъ ужасающихъ обвиненій въ преступленіяхъ долга и чести, гражданина и воина,—не съ смиреніемъ ожидаетъ высоко компетентнаго суда, а упреждаетъ его пространной брошюрой, въ которой, при вдохновеніи содѣйствіи г. В. Руадзе, „движимаго исключительно чувствомъ справедливости въ интересахъ истины". самымъ жесточайшимъ образомъ извращаетъ и подтасовываетъ факты, стремясь всѣми силами объединить въ одно духовное цѣлое гарнизонъ и себя.

Надѣвая на себя личину непризнаннаго страдальца за человѣколюбивый подвигъ спасенія отъ поголовной рѣзни двадцати четырехъ тысячъ правоспособныхъ защитниковъ и пятнадцати тысячъ раненыхъ, онъ вѣнчаетъ себя терніями и взываетъ къ высшей правдѣ, къ высшей справедливости, въ горячемъ упованіи, что только судъ Божій

произнесетъ безпристрастный приговоръ надъ нимъ и генераломъ Смирновымъ.

Бросая неблагодарнымъ людямъ на землѣ свою брошюру, онъ слѣпо вѣритъ, что какъ черезъ Куропаткина ему удалось обмануть Россію и Государя, такъ и теперь, черезъ вдохновленнаго „истиной“ г. В. Руадзе, подогрѣтаго въ свою очередь пасквилемъ капитана II ранга Лепко—ему удастся, игнорируя судъ людской, обмануть судъ Божій, на который онъ такъ горячо надѣется.

Жестоко играя довѣріемъ людей на землѣ, онъ теперь обращается къ Богу на небѣ и онъ убѣжденъ, непреложно убѣжденъ, что если земля отвергаетъ, то небеса возвѣстятъ его славу.

Быть можетъ небо ему повѣритъ, а пока, влача еще жалкую жизнь на грѣшной землѣ, поговоримъ въ послѣдній разъ на языкѣ неблагодарныхъ и черствыхъ людей.

Передо мною брошюра: „Моимъ врагамъ“ (Отповѣдь генерала Стесселя).

На огромной важности историческомъ процессѣ, въ которомъ я вызываюсь въ качествѣ свидѣтеля, мнѣ придется отвѣчать лишь на предложенные вопросы, а потому я хочу теперь досказать еще то, что по нѣкоторымъ соображеніямъ не могло войти въ мою книгу „Правда о Портъ-Артурѣ“.

„Подлый клеветникъ, наглый публицистъ, позорный трусъ, подозрительная и грязная личность, японскій шпіонъ, талантливый искаріотъ, построчно любящій родину“ (эпитеты, которыми такъ щедро награждаетъ меня генералъ Стессель)—хочетъ сказать свое послѣднее передъ судомъ слово.

Прежде всего, между непризнаннымъ страдальцемъ и гарнизономъ Артура никогда не было того духовнаго единенія, о которомъ онъ утверждаетъ и котораго теперь такъ страстно желаетъ, а съ момента подписанія преждевременной и позорнѣйшей капитуляціи, гарнизонъ и Стессель стали уже ярко-очерченными врагами.

Я, конечно, говорю объ офицерахъ высшаго порядка, объ офицерахъ-рыцаряхъ, которые никогда не простятъ и не забудутъ, какою цѣною, помимо ихъ воли, имъ пришлось купить право жизни.

Для того, чтобы быть доказательнымъ, я приведу краткую, но стремительно-убѣдительную историческую справку той духовной розни, которая существовала между гарнизономъ и Стесселемъ.

Перехожу къ фактамъ.

1) Покушеніе на убійство Стесселя поручикомъ Килевичъ, который на судѣ, въ своемъ послѣднемъ словѣ, ожидая смертнаго приговора, смѣло сказалъ, что онъ жалѣетъ о неудавшейся попыткѣ убить генерала (промахнулся). 2) Исторія съ телеграммой поручика Карселадзе и преслѣдованіе полковника Селинена (См. сочиненіе генералъ-маіора Костенко „Осада и сдача Портъ-Артура"). 3) Отвратительное издѣвательство и глумленіе надъ поручикомъ Ендрежіевскимъ (см. „Правда о Портъ-Артурѣ" томъ II. стр. 695). 4) Преслѣдованіе Гражданскаго Комиссара подполковника Вершинина и травля мирныхъ жителей, издѣвательство надъ градоначальникомъ Сахаровымъ и жителями г. Дальняго. 5) Глумленіе надъ религіознымъ чувствомъ гарнизона. 6) Постоянная, умышленная несправедливость въ награжденіи офицеровъ. 7) Травля, глумленіе, издѣвательство надъ флотомъ и т. д. — словомъ фактовъ можно привести безконечное количество. Заключу ихъ всѣхъ слѣдующимъ разсказомъ. Послѣ капитуляціи, по пути изъ Нагасаки въ Россію, генералъ Стессель во всѣхъ портахъ, куда заходилъ его пароходъ „Австралія", принималъ какъ должное всѣ помпезныя встрѣчи и держалъ себя крайне надменно.

Начиная съ Коломбо, когда уже начали приходить тревожныя для него вѣсти, онъ рѣзко измѣнилъ свое обращеніе къ окружающимъ, доводя его до явнаго заискиванія. По прибытіи въ Россію, два офицера Х. и У. обратились къ ѣхавшему со Стесселемъ генералу Надѣину, съ просьбою отъ лица всѣхъ Артурцевъ, сказать на устраиваемомъ въ честь Стесселя обѣдѣ благодарственную рѣчь за спасеніе гарнизона. Надѣинъ, сѣдой, боевой ветеранъ, обратился за совѣтомъ къ капитану Ш., послѣдній возмутился и прямо заявилъ, что это не только не мнѣніе всего Артурскаго гарнизона, но даже не всѣхъ возвращающихся теперь въ Россію и что г.г. Х. и У. на подобное предложеніе онъ также не уполномочивалъ. Въ затрудненіи, генералъ Надѣинъ попросилъ капитана Ш. написать ему въ такомъ случаѣ рѣчь, что послѣдній и исполнилъ, набросавъ короткій тостъ за здоровье Стесселя и его супруги. Во время обѣда генералъ Надѣинъ и произнесъ эту здравицу. Тогда Х. вскочилъ съ мѣста и началъ благодарить Стесселя за сдачу, но слова его были тотчасъ заглушены шипѣніемъ и возгласами „довольно". На происшедшій скандалъ чета Стессель казалось не обратила вниманія, такъ

какъ, вслѣдъ затѣмъ г-жа Стессель, поднявшись, благодарила за сочувствіе и просила всѣхъ артурцевъ всегда считать ихъ домъ своимъ домомъ.

Мнѣ кажется, что приведенныхъ случаевъ вполнѣ достаточно, что бы непреложно установить отсутствіе духовно-нравственной связи между иниціаторомъ преждевременной сдачи и гарнизономъ Артура.

Теперь перехожу къ отношеніямъ Стесселя къ покойному генералу Кондратенко, котораго онъ въ брошюрѣ такъ горячо называетъ своимъ другомъ.

Оставляя въ сторонѣ все, что приходилось мнѣ неоднократно слышать о Стесселѣ непосредственно отъ самого генерала Кондратенко, я предлагаю внимательно прослушать, что говорилъ и, что будетъ говорить на судѣ объ этихъ отношеніяхъ адъютантъ покойнаго генерала капитанъ Грневичъ. Приблизительно этотъ офицеръ выражается такъ: „Въ началѣ осады генералъ Стессель относился къ генералу Кондратенко далеко не симпатично и смотрѣлъ на него очень свысока и безъ всякаго довѣрія, а затѣмъ измѣнилъ свое отношеніе. Въ разговорѣ съ Кондратенко у Стесселя была замѣтна какая то неестественность въ обращеніи и въ тонѣ его слышалась небрежная, обидная снисходительность къ личности покойнаго". Въ тоже время Стессель поощрялъ генерала Фока въ его постоянномъ, неотступномъ преслѣдованіи Кондратенко, какъ устно, такъ и въ подпольной литературѣ, часто прямо въ глаза (Редутъ „Тахэ").

Если бы Стессель считалъ покойнаго Романа Исидоровича дѣйствительно военнымъ геніемъ и преклонялся бы передъ нимъ, какъ передъ таковымъ и какъ передъ другомъ, то развѣ мыслимо ли было подобное поведеніе Фока!! На самомъ дѣлѣ Стессель лишь терпѣлъ покойнаго, онъ видѣлъ въ немъ только кроткаго подчиненнаго, неспособнаго на активный протестъ. Онъ былъ увѣренъ, что Кондратенко, благодаря своей мягкой натурѣ, никогда ему не будетъ опасенъ въ разоблаченіи его преступной дѣятельности въ случаѣ паденія Артура, но побѣдоноснаго окончанія компаніи. Онъ, Стессель, прекрасно понималъ, что Артуръ превзошелъ всѣ ожиданія и сдавая его, не могъ предвидѣть, что преждевременная гибель крѣпости губительно отразится на ходѣ всей войны, т. к. въ побѣдоносномъ шествіи арміи на югъ, подъ предводительствомъ талантливаго Куропаткина, онъ ни минуты не сомнѣвался.

Отношенія же сподвижника Стесселя, Фока къ покой-

ному Кондратенко, помимо литераторства, также не для кого не были секретомъ и растлѣвающимъ образомъ дѣйствовали на гарнизонъ.

Если самъ покойный Романъ Исидоровичъ первое время считалъ Фока незауряднымъ генераломъ (письма его къ супругѣ), то ужъ, конечно. Стессель, при своей умственной скудости, смотрѣлъ на него, какъ на учителя, слѣпо подчиняясь всему, что диктовалъ ему этотъ мнимый артурскій геній. Да и кто этого въ крѣпости не зналъ. кто изъ честныхъ офицеровъ теперь этого не подтвердитъ. Не Кондратенко, нѣтъ,— Фока Стессель считалъ великимъ военнымъ талантомъ, сопровождая это поклоненіе старинным дружескимъ расположеніемъ, а къ Кондратенко онъ постоянно относился въ покровительственно-пренебрежительномъ тонѣ.

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ розсказни о дружескихъ отношеніяхъ Стесселя къ Кондратенко, какъ къ военному генію — являются сплошнымъ вымысломъ, не подтвержденнымъ никакими фактическими данными.

Теперь объ отношеніяхъ покойнаго Кондратенко къ генералу Стесселю.

Всегда глубоко дисциплинированный, Романъ Исидоровичъ былъ наружно почтителенъ, но отношенія его къ Стесселю становились съ каждымъ днемъ все холоднѣе и не задолго до его гибели они выразились въ явно непріязненной формѣ. 26 Ноября, въ день Георгіевскаго праздника, когда въ домѣ Стесселя шелъ пиръ горой, покойный не поѣхалъ поздравить старшаго въ Артурѣ георгіевскаго кавалера и не смотря на то, что на фронтѣ было совершенно тихо, уѣхалъ на боевую линію. Когда генералъ Смирновъ, на пути къ Стесселю, встрѣтилъ Кондратенко и спросилъ послѣдняго будетъ ли онъ на праздненствѣ, покойный махнувъ рукой, отвѣтилъ: „И безъ меня тамъ обойдутся"—съ этимъ они разстались.

Что же касается письма Кондратенко къ Стесселю отъ 16 Сентября съ предложеніемъ войти съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о заключеніи почетнаго мира, то странно было бы въ этомъ заподозрить тайное желаніе покойнаго скорѣе сдать крѣпость. Вѣдь каждому до очевидности ясно, кромѣ, конечно, г.г. Стесселя и В. Руадзе, что авторъ этого письма считалъ возможнымъ прекращеніе кампании на почетныхъ условіяхъ лишь до паденія Артура и безусловно не выполнимымъ послѣ паденія его. Кромѣ того въ крѣпости никто не зналъ, да и не могъ знать объ истинномъ

положеніи дѣлъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, и, слѣдовательно, гарнизонъ крѣпости согласно, точному смыслу закона, долженъ былъ продолжать оборону ея до послѣдняго истощенія силъ и средствъ, что, конечно, не могъ не понимать генералъ Кондратенко.

Все это и было бы свято исполнено гарнизономъ, если бы не стремленіе Стесселя явиться въ роли искупительной жертвы съ терновымъ вѣнцомъ на челѣ. Вѣнчая себя таковымъ, онъ великолѣпно учитывалъ всѣ послѣдствія, такъ какъ искренно надѣялся на геній Куропаткина.

А разъ кампанія была бы выиграна, кто повѣрилъ бы клеветникамъ?

Переходя далѣе къ возраженіямъ Стесселя по поводу его отозванія изъ Артура, захвата власти Коменданта крѣпости и незаконнаго пользованія ею, — я долженъ сказать, что это небывалое еще воинское преступленіе имѣетъ въ высшей степени интересную и поучительную исторію, къ сожалѣнію, сложившуюся совершенно при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ это представлено въ отповѣди генерала Стесселя. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Генералъ Куропаткинъ, получивъ рядъ тревожныхъ донесеній о дѣятельности Стесселя на Квантунѣ, телеграммами отъ 5 и 17 Іюня и письмомъ отъ 19 Іюня предложилъ Стесселю передать командованіе войсками генералу Смирнову, а самому прибыть въ армію. Стессель скрылъ полученныя телеграммы отъ Смирнова и только на письмо отвѣтилъ Куропаткину слезнымъ посланіемъ, умоляя его, разрѣшить остаться въ Артурѣ, съ увѣреніемъ, что только черезъ его трупъ японцы войдутъ въ крѣпость. Послѣ этого онъ началъ доносить непосредственно Государю Императору о нашихъ мнимыхъ успѣхахъ въ укрѣпленномъ раіонѣ, что и повліяло на окончательное рѣшеніе командующаго отозвать его изъ Артура.

Результатомъ этихъ извращенныхъ донесеній явился цѣлый рядъ наградъ, что Стесселемъ, по его недомыслію, было сочтено за санкцію высшей властью игнорированія имъ приказанія главнокомандующаго. Такимъ образомъ, благодаря лишь наглости Стесселя, его обману и фатально сложившимся для крѣпости обстоятельствамъ, Стессель могъ остаться въ Артурѣ, окончательно узурпировавъ власть Коменданта.

Опровергая обвинительный актъ въ части, касающейся его донесеній о столкновеніяхъ съ непріятелемъ, генералъ Стессель гордо заявляетъ, что во время японскихъ атакъ

съ моря съ цѣлью заградить входъ во внутренній рейдъ, онъ находился на Электрическомъ утесѣ. Совершенно вѣрно, генералъ тамъ былъ, но кто изъ Артурцевъ не знаетъ, что во время бомбардировокъ съ моря, самымъ опаснымъ мѣстомъ былъ внутренній рейдъ и Новый городъ, а въ періодъ брандеровъ, мы совершенно безопасно любовались рѣдкостной фееріей на морѣ, т. к. стрѣляли только наши корабли и батареи. Между прочимъ, долженъ отмѣтить, что за все время осады на Электрическомъ утесѣ не было ни одного попаданія. Неужели, когда настанетъ судъ Божій, котораго такъ жаждетъ Стессель, возставшія тѣни погибшихъ героевъ будутъ лгать, ради реабилитаціи того, кто такъ святотатственно тревожитъ ихъ прахъ!

Говоря о неправильно раздаваемыхъ наградахъ вообще и георгіевскомъ кавалерѣ генералѣ Рейсѣ въ частности, онъ съ маху разрѣшаетъ этотъ наболѣвшій вопросъ Артурскаго гарнизона, да пожалуй и всѣхъ участниковъ минувшей кампаніи. Я не буду касаться здѣсь этой темы, она великолѣпно иллюстрирована въ письмѣ плѣннаго артурскаго офицера. Привожу наиболѣе характерныя выдержки изъ него.

„...Ко всему же этому прибавилось еще не малое сознаніе обидъ, причиняемыхъ тою горькою несправедливостью, которая была проявлена ко многимъ изъ насъ артурцевъ, въ отношеніи полученія заслуженныхъ нами наградъ. Много недостойныхъ обременены наградами, обильно изливавшимися на нихъ по ходатайству генерала Стесселя, которыхъ онъ въ силу личныхъ соображеній, хотѣлъ выдвинуть; это въ большинствѣ—или лица, высоко стоявшія, бывшія съ нимъ даже на „ты“, или тѣ, съ кѣмъ онъ воевалъ еще въ Китайскую кампанію, или, наконецъ, тѣ, кто стоялъ близко къ нему или его семьѣ. Можно даже перечислить ихъ, ибо всѣ они слишкомъ бросаются въ глаза. Подъ относящимися къ первой категоріи я подразумѣваю конечно генераловъ Фока и Никитина, получившихъ всѣ высшія награды. Первый, какъ извѣстно, своими систематическими отступленіями сократилъ срокъ стойкости крѣпости, а за послѣдніе дни, въ особенности, усердно ускорилъ ея паденіе, а для второго, абсолютно не имѣвшаго какого-либо опредѣленнаго назначенія, Стессель, вѣроятно, для оправданія своихъ представленій его къ наградамъ, выдумалъ удивительную роль: „повѣрять на позиціяхъ бдительность офицеровъ и нижнихъ чиновъ“. Къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить генерала Рейса. Онъ всю

осаду просидѣлъ у себя въ штабѣ и на позиціи не выѣзжалъ вовсе. А вѣдь все это георгіевскіе кавалеры! Изъ 2-й категоріи я назову подполковниковъ Петренко, ... капитана Правикова и многихъ другихъ, изъ стрѣлковъ, фамилій которыхъ не припомню; названныя лица получили много высшихъ наградъ и не скажу, чтобы по заслугамъ. Возьмемъ хотя бы Правикова, адъютанта генерала Никитина, который не бывалъ нигдѣ на позиціяхъ, а просидѣлъ всю осаду дома и, между нами говоря, проводилъ большую часть времени въ оргіяхъ и за картами. Онъ получилъ даже золотое оружіе. Перейду къ 3-й категоріи, изъ которыхъ назову наиболѣе рѣзко выдающіеся 2 примѣра: подполковникъ Водяга, ...

. . . . . .

завѣдомый трусъ, боявшійся даже по городу въ банкъ проѣхать за полученіемъ казенныхъ денегъ, не говоря уже о посѣщеніи позицій и, тѣмъ не менѣе, получившій въ награду за отличіе „въ дѣлахъ противъ японцевъ“—цѣлыхъ 2 чина, да еще изъ нихъ одинъ штабъ-офицерскій. Второй примѣръ—это адъютантъ генерала Стесселя, капитанъ Колесниковъ, не бывшій не только въ бою, но и гдѣ-либо, гдѣ пахло порохомъ, но зато „свой человѣкъ“ въ домѣ Стесселя и получившій за это 3 ордена и чинъ. Вотъ такъ давались у насъ награды. Я указалъ только выдающіеся случаи, а сколько еще тѣхъ, которыхъ я не знаю и не помню. Не говорю уже о томъ, что всѣ эти награды, а также тѣ, которые исходили отъ генерала Фока- почему-то поступали непосредственно къ генералу Стесселю, минуя такой авторитетъ, какъ комендантъ крѣпости, генерала Смирнова, который, съ увѣренностью и съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, многаго не допустилъ бы... Но... генералъ Стессель, безъ всякаго права и безъ какого-либо основанія игнорировалъ властью генерала Смирнова, а за генераломъ Стесселемъ тоже дѣлалъ и генералъ Фокъ, рѣшавшійся въ своемъ самообольщеніи, не разъ даже не исполнять приказаній своего начальника, генерала Смирнова, нарушая этимъ коренной законъ. Да, такъ вотъ сознаніе необличенныхъ такихъ горькихъ несправедливостей, конечно, въ нашихъ умахъ и сердцахъ не могутъ пройти безслѣдными; и они вносятъ не мало горечи въ общую чашу нравственныхъ мукъ, неудовлетворенности и обидъ. На ряду со всѣмъ этимъ цѣлая масса лицъ, проявившихъ свой героизмъ въ той или въ другой формѣ, остались вовсе безъ наградъ—такихъ много!.. Нѣкоторые, правда, своимъ ближайшимъ

начальствомъ были представлены и не одинъ разъ, но ихъ наградные листы, по злой волѣ судьбы, застрѣвали или въ штабѣ главнокомандующаго, или, по волѣ генерала Стесселя, въ его штабѣ, а иногда даже въ этомъ же штабѣ терялись завѣдывавшимъ этимъ отдѣломъ адъютантомъ, все тѣмъ же капитаномъ Колесниковымъ. Теперь же, въ довершеніе всего, до насъ дошелъ слухъ, что всѣ награды по представленіямъ генерала Стесселя еще невышедшія, будутъ назначены послѣ окончанія слѣдствія надъ нимъ за сдачу крѣпости. Не понимаю, при чемъ тутъ слѣдствіе, слѣдственная комиссія? За что спрашивается многіе, истинные герои, вполнѣ заслужившіе награды, хотя-бы въ этомъ отношеніи не могутъ имѣть хотя маленькое утѣшеніе въ плѣну, а должны ждать конца какого-то слѣдствія о сдачѣ. Подвиги вѣдь совершались не во время сдачи, а до нея! Если получили уже многіе и при томъ даже не по заслугамъ, какъ это всѣ мы знаемъ, то за что-же обижать тѣхъ, чьи наградные листы почему-либо запоздали и не успѣли попасть въ Петербургъ до начала слѣдствія. Никакъ понять этого не могу. Мнѣ бы хотѣлось всѣхъ ихъ здѣсь пересчитать, но я о многихъ не знаю деталей ихъ подвиговъ, за что они представлены, но во имя справедливости и для примѣра назову хотя нѣкоторыхъ:

. . . . . .

2) Въ нашей крѣпости въ концѣ концовъ, считая и вновь произведенныхъ,—оказалось 14 генераловъ, изъ нихъ, кто имѣлъ раньше Георгія 4-ой степени, тотъ получилъ 3-ю степень, а кто первую не имѣлъ, то награжденъ ею; одинъ только генералъ оказался безъ этой награды, это—комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ, но... причина, я думаю, ясна: всѣмъ извѣстны отношенія между нимъ и генераломъ Стесселемъ, созданныя послѣднимъ. Впрочемъ, объ этомъ нельзя пока распространяться, пока, какъ я искренно увѣренъ, не возстановлена будетъ истина о Портъ-Артурѣ путемъ суда. . . . . .

. . . . . .

3) Обидно еще и за бѣдныхъ солдатъ, изъ коихъ въ Артурѣ героямъ счета не было,—многіе изъ нихъ были представлены къ знаку отличія военнаго ордена, совершивъ рядъ подвиговъ и въ плѣнъ ушли безъ этого знака, повидимому всѣ эти представленія такъ въ штабѣ генерала Стесселя и остались безъ движенія, а ихъ то обижать по моему совсѣмъ не слѣдовало, разъ подвиги ихъ свидѣтельствовались не только своимъ, но и постороннимъ начальствомъ. . . . . .

Повѣствуя о фактѣ сдачи крѣпости, „человѣколюбивый“ начальникъ, самымъ немилосерднѣйшимъ образомъ подтасовывая факты и извращая истину, патетически восклицаетъ: говорю по чистой совѣсти, что сдалъ крѣпостъ только тогда, когда сопротивленіе было безполезно“.

Я думаю, что армія, а за ней и вся Россія, которую такъ волнуетъ тяжелая Артурская драма съ ея безславнымъ концомъ, охотно пошли бы на встрѣчу увѣреніямъ „чистой“ совѣсти Стесселя, если бы онъ могъ на судѣ подкрѣпить ихъ болѣе реальными доказательствами, только и способными теперь убѣдить въ конецъ извѣрившихся людей. Разсказывая о послѣднихъ четырехъ дняхъ обороны, Стессель не однимъ словомъ не упоминаетъ, что натворилъ онъ на СВ фронтѣ, съ момента гибели Кондратенко. Въ теченіи этихъ дней, Фокъ, назначеный Стесселемъ, вопреки категорическому протесту Смирнова, начальникомъ сухопутной обороны, успѣлъ свести почти на нѣтъ оборону С.В фронта, дѣйствуя помимо Коменданта крѣпости. Къ тремъ часамъ дня 19 Декабря положеніе вещей на фронтѣ было очень серьезно, но о сдачѣ крѣпости не могло быть еще и рѣчи т. к. мы могли еще держаться на II и III линіяхъ, если бы Фокъ, послѣ паденія Большаго Орлинаго гнѣзда, самовольно, въ преступномъ преднамѣреніи сдать крѣпость, не очистилъ Куропаткинскаго люнета, Малаго Орлинаго гнѣзда и Лит. Б., благодаря чему пришлось сразу отойти на III линію и положеніе наше стало уже непоправимымъ. Во первыхъ, гарнизонъ узналъ о посланномъ Стесселемъ парламентерѣ, а во вторыхъ, за ночь немыслимо было организовать оборону т. к. наивыгоднѣйшія позиціи были уже сданы.*)

Продолжая оправдывать преждевременную и единолично рѣшенную имъ сдачу крѣпости, Стессель увѣряетъ, что если бы онъ въ три часа дня 19 Декабря не выслалъ парламентра, то японцы ворвавшись въ городъ, произвели бы поголовное избіеніе больныхъ и раненыхъ. Увѣреніе это, хотя и диктуемое „чистою“ совѣстью, тѣмъ не менѣе не отвѣчаетъ въ полной мѣрѣ дѣйствительности. Въ день и часъ прибытія парламентера въ расположеніе противника, въ его арміи никто и не помышлялъ о рѣшительномъ шту-

*) См „Конецъ ОсадыПротъ-Артура“ стр.392—399.)

рмѣ, а атака крѣпости велась по всему фронту крайне пассивно. Вотъ что пишетъ по этому поводу англійскій военный корреспондентъ г. Норригардтъ, неотлучно находившійся при штабѣ осаждающей арміи.

„... Не смотря на то, что японцы сдѣлали въ этомъ направленіи въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль огромные шаги къ достиженію своей цѣли, никто, даже изъ наилучше освѣдомленныхъ офицеровъ японской главной квартиры, не мечталъ о томъ, что конецъ такъ близокъ. Внутренняя линія обороны, которая еще отдѣляла осаждающихъ отъ Стараго города, была очень слабою и предполагалось, что русскіе едва-ли попытаются оказать здѣсь рѣшительное сопротивленіе. Вновь взятыя позиціи вполнѣ господствовали надъ оборонительными укрѣпленіями и Старый городъ былъ всецѣло во власти осаждающихъ съ того момента, какъ ихъ орудія были поставлены на старыхъ русскихъ батарейныхъ позиціяхъ. Японцы вообразили, что очень замѣтное ослабленіе обороны указывало на то, что русскіе намѣрены были сдать весть восточный рядъ фортовъ со Старымъ городомъ, вѣроятно, за исключеніемъ фортовъ морского фронта. Они предполагали, что генералъ Стесселъ пришелъ къ убѣжденію о невозможности съ такимъ слабымъ гарнизономъ отстаивать длинную оборонительную линію отъ Голубиной бухты до Юенчана, но, если сосредоточить войска на западномъ и южномъ секторахъ, которые дѣйствительно еще были нетронуты, они будутъ достаточно сильны, чтобы удержать осаждающихъ у бухты еще нѣкоторое время. Въ день новаго года, когда я дѣлалъ обычные визиты, офицеры штаба главной квартиры мнѣ говорили, **что паденіе крѣпости ожидается не ранѣе полутора —двухъ мѣсяцевъ. Предложеніе русскихъ о сдачѣ явилось поэтому неожиданнымъ и, конечно, очень пріятнымъ сюрпризомъ для японцевъ**“...

Изъ приведеннаго видно, что страхи повелителя Артурскихъ судебъ о грозившей раненымъ поголовной рѣзнѣ были преждевременны и напрасны. А разъ это совершенно не вызывалось боевой обстановкой, то посылка парламентера, безъ предварительнаго и всесторонняго обсужденія такого важнаго вопроса на военномъ совѣтѣ и даже безъ вѣдома Коменданта крѣпости, является тягчайшимъ воинскимъ преступленіемъ, не оправдываемымъ даже лучшими человѣческими побужденіями.

Припомню здѣсь генералу Стесселю его приказъ № 962 за пять дней до сдачи крѣпости, въ которомъ онъ

призывая всѣхъ угодниковъ Божьихъ, съ негодованіемъ говоритъ о рѣдкихъ „прохвостахъ“ среди русскихъ воиновъ Бѣлаго Царя.

ПРИКАЗЪ.

— „Японцы начали бросать на Китайскую стѣну карточки и все съ фотографическими снимками нашихъ плѣнныхъ . . . . . .

Зачѣмъ они бросаютъ намъ это? Вы сами догадаетесь. Не первый разъ, а начиная еще съ передовыхъ позицій, они восхищаютъ насъ прелестями Японіи, сначала письменно, разными подметными прокламаціями, а теперь уже и картинками но ошибались Вы и вновь ошибетесь. Вы не знаете русскихъ воиновъ Бѣлаго Царя, **прохвосты** между нами рѣдки. а если и есть, то дѣлаютъ пакости изподтишка. Мы уповаемъ на Господа Бога, на Пресвятую Богородицу и Святыхъ Угодниковъ, а соблазнить русскаго солдата какимъ нибудь хорошимъ домикомъ и кимоно мъ никому не удастся Мы твердо вѣримъ, что если кому на роду написано, то сбудется. Смотрѣть, разумѣется, смотри, но не засматривайся, разума не теряй, на Бога надѣйся и самъ не плошай.

Сопоставляя приведенный приказъ отъ 14 декабря съ фактомъ сдачи крѣпости 19 декабря и вспоминая всю дѣятельность Стесселя въ Артурѣ, приходишь къ непреложному убѣжденію, что генералъ никогда не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ.

Затѣмъ Стессель говоритъ о необходимости выиграть время для спасенія знаменъ.

Онъ стремился спасти артурскія знамена и онъ дѣйствительно сдѣлалъ это!

Но какою дорогою цѣною было куплено это спасеніе?!

Цѣною позорнѣйшей капитуляціи, сорвавшей вѣнецъ славы съ великой артурской обороны!

Большой еще вопросъ г. г. Стессель и В. Руадзе, что важнѣе для Россіи, спасеніе знаменъ, которыя можно было въ послѣдній моментъ и уничтожить или же неприкосновенность славы эпическихъ бойцовъ, сражавшихся подъ сѣнью спасенныхъ реликвій?

Рѣшившись и сдавъ неожиданно крѣпость, онъ обвиняетъ адмираловъ въ неумѣніи уничтожить затопленныя суда. Онъ, не стѣсняясь, обвиняетъ ихъ въ этомъ, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ, что сдачи крѣпости безусловно никто не ожидалъ, что вѣсть о посылкѣ парламен-

тера была для всѣхъ молніеноснымъ ударомъ, и, наконецъ что адмиралы не имѣли физической возможности исполнить это въ такой короткій срокъ. Адмиралъ Вирен только поздно вечеромъ узналъ о посылкѣ парламентера, а рано утромъ 20 декабря побѣдитель уже предложилъ прекратить порчу имущества подъ угрозой возобновленія военныхъ операцій и сохраненія за собой свободы дѣйствій. Стессель въ паническомъ ужасѣ поспѣшилъ исполнить это, приказавъ, подъ страхомъ смерти, прекратить порчу.

И онъ былъ правъ, посылка парламентера явилась сигналомъ къ полному крушенію дисциплины, сопровождавшемся безчинствомъ и грабежомъ въ городѣ.

Легче всего было взорвать крейсеръ „Баянъ“, уничтоженіе котораго было поручено лейтенанту Подгурскому, старшему минному офицеру этого крейсера, но это было исполнено настолько неудовлетворительно, что „Баянъ“ впослѣдствіи былъ поднятъ японцами. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ этой неудачѣ всецѣло виноватъ лейтенантъ Подгурскій, благодаря его непростительной халатности въ выполненіи столь серьезнаго порученія.

Стессель также обвиняетъ адмираловъ въ пассивной дѣятельности вообще и особенно обрушивается на бездѣятельность адмираловъ Вирена и Лощинскаго.

Разсмотримъ это подробнѣе и постараемся доказать несостоятельность подобнаго обвиненія, даже не обвиненія, а прямо клеветы.

Необходимо напомнить, что до 15 мая въ Дальній, благодаря миннымъ загражденіямъ, непріятель не показывался, а занялъ его съ сухаго пути, лишь послѣ Киньчжоускаго боя.

Позиція при Киньчжоу была взята послѣ шестнадцати часового сопротивленія (вмѣсто обѣщаннаго Стесселемъ 2-хъ мѣсячнаго) и вполнѣ при желаніи могла бы быть укрыта отъ огня непріятельскихъ канонерокъ, если бы Стессель во время вооружилъ ее двумя 8″ и двумя 6″ орудіями, данными ему флотомъ задолго еще до Киньчжоускаго боя.

Клевета на контръ-адмирала Лощинскаго, что онъ выслалъ въ заливъ Таліенванъ только лодку „Бобръ“ и два миноносца, недостойна даже и опроверженія, т. к. флотомъ распоряжался контръ-адмиралъ Витгефтъ, которымъ, помимо Лощинскаго, былъ посланъ лишь одинъ „Бобръ“ для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ. „Бобръ“ подъ командой капитана II ранга Шельтинга, блестяще

исполнилъ возложенную на него задачу, парализовавъ своимъ огнемъ атаку праваго фланга позиции.

Что же касается посылки всѣхъ нашихъ канонерокъ въ бухту Киньчжоу, то таковая должна была сопровождаться прикрытіемъ всего флота съ вѣроятіемъ вступить въ бой съ непріятельской эскадрой, державшейся вблизи и втрое сильнѣйшей, на что не рѣшился покойный адмиралъ Витгефтъ. Далѣе генералъ Стессель клевещетъ на Лощинскаго во первыхъ, что онъ неприлично возражалъ адмиралу Витгефту по поводу выхода лодокъ въ бухту Сикао съ ограниченнымъ запасомъ снарядовъ и, во вторыхъ, что Лощинскій не желалъ выходить на внѣшній рейдъ. Все это, по меньшей мѣрѣ, возмутительно. Вѣдь лодки съ миноносцами, рискуя взорваться на минахъ („Гремящій" погибъ), выходили для обстрѣливанія сухопутныхъ позицій до 15 разъ. Лично адмиралъ Лощинскій настаивалъ передъ покойнымъ Витгефтомъ предпринять демонстрацію въ Дальній (съ четырьмя лодками и двумя броненосцами тихоходами: „Севастополь" и „Полтава"), съ цѣлью облегчить прорывъ остальной эскадры во Владивостокъ, что является только показателемъ доблести и храбрости адмирала Лощинскаго. Поэтому, по меньшей мѣрѣ, странно, что бы адмиралъ готовый на столь рискованное предпріятіе, уклонялся бы отъ выхода лодокъ подъ прикрытіемъ своихъ батарей и судовъ.

Такъ же Стессель непростительно лжетъ въ своемъ разсказѣ о снарядахъ.

Четвертаго іюля лодки, подъ флагомъ Лощинскаго, выходили въ бухту „Сикао", подъ прикрытіемъ трехъ крейсеровъ и броненосца „Ретвизанъ"

Послѣ двухъ часовъ, непріятель, появившійся въ значительныхъ силахъ, началъ обстрѣливать наши суда, сосредоточивъ огонь на „Ретвизанѣ". Въ четыре часа крейсера и лодки начали отходить на рейдъ. Вышедшій на встрѣчу на катерѣ адмиралъ Витгефтъ, подойдя къ „Отважному", удивилъ всѣхъ вопросомъ:

„Затѣмъ вернулись лодки?" На это Лощинскій отвѣтилъ, что съ уходомъ прикрытія (крейсеровъ), оставаться однимъ лодкамъ, въ виду огромнаго перевѣса противника, было бы болѣе, чѣмъ странно. Кромѣ того, всѣ снаряды были уже израсходованы. На это адмиралъ Витгефтъ возразилъ: „Крейсера не для Васъ, они сами по себѣ, а Вы должны были оставаться въ Тахэ; что же касается снарядовъ, то объ этомъ слѣдовало бы позаботится раньше". Лощинскій

промолчалъ тогда на это, а затѣмъ поѣхалъ къ Витгефту и напомнилъ ему о приказѣ (послѣ гибели „Петропавловска", въ виду возможнаго взрыва отъ минъ имѣть на суднѣ отъ 15 до 20 снарядовъ на пушку). На это адмиралъ строго замѣтилъ, что этотъ приказъ относится только къ стоянкѣ судовъ на якорѣ. Но, Боже мой, какіе же взрывы бываютъ на якорѣ? Далѣе Стессель нагло увѣряетъ, что на совѣтѣ флагмановъ и командировъ судовъ для обсужденія вопроса объ активной дѣятельности эскадры, только капитанъ I ранга фонъ Эссенъ высказался за выходъ частями по мѣрѣ приведенія судовъ въ исправность. Надѣюсь, вѣря въ свѣтлый разумъ Эссена, что онъ не могъ поддерживать такой нелѣпости, т. к. выходъ судовъ по частямъ, облегчилъ бы непріятелю задачу уничтоженія нашей эскадры и не принесъ бы никакой пользы крѣпости.

Что же касается засѣданія адмираловъ 6-го августа, на которомъ, по словамъ Стесселя, было окончательно рѣшено отказаться отъ попытки прорваться во Владивостокъ и вообще отъ активной дѣятельности флота (стр. 38 брошюры), то долженъ возразить, что на упомянутомъ совѣтѣ, дѣйствительно было рѣшено дать часть снарядовъ крѣпости, но остальныя беречь до исправленія судовъ и выхода ихъ въ открытое море. Объ этомъ былъ извѣщенъ комендантъ, а послѣднимъ сообщено въ штабъ района, слѣдовательно объ этомъ рѣшеніи не могъ не знать Стессель

Упоминая объ оборонѣ Китайской стѣнки, Стессель не смущаясь заявляетъ, что на ней держались лишь два часа. Вѣдь это наглая, возмутительная ложь! Кому изъ славныхъ бойцовъ С. В. фронта неизвѣстно, какую службу она сослужила крѣпости въ титанической борьбѣ гарнизона на участкѣ отъ лит. Б до форта III и какое ей придавалъ серьезное значеніе генералъ Смирновъ съ самаго начала осады. (См. конецъ осады Портъ-Артура, отчетъ генерала Бѣлаго стр. 338—366). Не будь этой стѣны врядъ ли кровавый финалъ перваго штурма въ ночь на 11-ое Августа окончился бы столь блестяще для сѣверо-восточныхъ бойцовъ и такъ печально для врага, положившаго у ея основанія свыше 11,000 труповъ. Не используй комендантъ этой стѣны для обороны, японцы безусловно прорвались бы въ эту страшную, памятную ночь и дѣло дальнѣйшей обороны Артура приняло бы угрожающе тревожный и, если хотите, критическій характеръ.

Въ теченіе всей дальнѣйшей осады она имѣла огром-

ное значеніе, о чемъ свидѣтельствуютъ такіе высокіе авторитеты, какъ завѣдывавшіе работами на С. В. фронтѣ, наши доблестные офицеры, гордость нашихъ инженеровъ и арміи, полковники: покойный Рашевскій и нынѣ здравствующій фонъ-Шварцъ.

Если войска, въ концѣ деморализованныя, ее и очистили, то въ этомъ исключительно виноватъ генералъ Фокъ, произвольно, безъ всякой надобности, съ благословенья Стесселя, приказавшій обнажить эту важную позицію.

Что же касается обороны II-ой и III-ей линіи, то удерживать позиціи таковыхъ, какъ я уже говорилъ, не представлялось возможнымъ. благодаря преждевременному очищенію впереди лежавшихъ серьезныхъ опорныхъ пунктовъ и совершеннаго обнаженія праваго фланга съ отдачей безъ боя лит. Б.

Теперь объ отношеніи Стесселя къ морякамъ. Эта одна изъ черныхъ страницъ его дѣятельности въ Артурѣ. Вспоминая, какъ незаслуженно, какъ отвратительно цинично, настойчиво и грязно съ самаго начала войны. Стессель, Фокъ, Никитинъ и К° преслѣдовали и оскорбляли въ Артурѣ моряковъ, не останавливаясь въ опороченіи ихъ положительно ни передъ чѣмъ, тѣхъ моряковъ, которые въ своемъ лучшемъ, подавляющемъ большинствѣ успѣли смертью доказать, начиная съ адмираловъ Макарова и Витгефта, и, кончая величественно скорбною вереницей офицеровъ, свою беззавѣтную преданность Родинѣ и Царю,— я не могу понять, какъ у печальной памяти генерала хватаетъ дерзости упрекать ихъ въ непорядочности и трусости, даже теперь, когда надъ нимъ тяготѣютъ тягчайшія обвиненія, когда все чистое Артурскаго гарнизона съ гадливостью сторонится отъ своего предателя. И это Стессель порочитъ ихъ. Стессель, не задумавшійся ради своихъ корыстныхъ цѣлей предать ихъ славу, купленную потоками крови!!

Вспоминая кошмаръ Стесселевскихъ самодурствъ, который на яву давилъ насъ въ Артурѣ, вновь переживая всѣ тяготы, доставшіяся въ удѣлъ гарнизона Артура, я съ глубокимъ негодованіемъ читаю, какъ Стессель, этотъ палачъ, въ тайникахъ души котораго потухаетъ искра божественнаго начала, фиглярничаетъ съ своей бездыханною жертвой, стараясь убѣдить всѣхъ, что лишь изъ человѣколюбія онъ предалъ ее смерти.

Перехожу къ оцѣнкѣ Стесселемъ адмираловъ и офицеровъ, которыхъ онъ, не обинуясь, жестоко порочитъ.

Такъ пусть же пройдутъ они передъ нами живые и мертвые.

Адмиралъ Макаровъ, минувшая гроза японцевъ,—на днѣ океана!

Витгефтъ—правда при жизни сухопутный адмиралъ, талантливый администраторъ, отецъ подчиненныхъ, образованный и высоко-гуманный человѣкъ—погибъ смертью героя, руководя боемъ врученной ему эскадры.

Матусевичъ—дважды жестоко раненъ въ морскомъ бою.

Вирenъ—на котораго всѣ моряки, коимъ дороги не личные интересы, а возрожденіе нашего флота, смотрятъ съ надеждой. Они видятъ въ немъ адмирала—дѣла, офицера огромныхъ практическихъ знаній. богатаго боевымъ опытомъ, человѣка одареннаго, неумолимо-строгаго, честнаго и безпристрастнаго. Они надѣятся на него и только съ нимъ въ состояніи довести русскій флотъ до высоты его призванія. Это общій голосъ честныхъ офицеровъ артурской эскадры, изучившихъ адмирала въ страдную, тяжелую пору, которую когда-либо приходилось переживать русскимъ морякамъ. [1]).

Григоровичъ — самоотверженный идеально-честный и энергичный командиръ порта „Артуръ“.

Эссенъ—лихой морской казакъ, какъ о немъ всегда съ увлеченіемъ говорили въ Артурѣ.

Лощинскій—незамѣтный, но неусыпно-бодрый труженикъ, всю осаду минировавшій и оберегавшій берега Квантуна, неотлучно находясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ внѣшняго рейда.

Положеніе Лощинскаго, между прочимъ, было крайне тяжелое. Согласно приказу Намѣстника онъ былъ назначенъ помощникомъ Коменданта по морской оборонѣ съ съ подчиненіемъ въ тоже время адмиралу Витгефту, какъ старшему морскому начальнику, при чемъ послѣдній лично распоряжался операціями миноносцевъ, посылая ихъ безъ видимой надобности стеречь подходъ японскихъ заградителей. Эти авантюры продолжались до тѣхъ поръ, пока два миноносца не были взорваны въ бухтѣ Тахэ. На поставленныхъ подъ руководствомъ адмирала Лощинскаго минахъ погибли японскіе броненосцы: „Хатцузе“, „Яшима“ и „Міака“, а послѣ смерти Витгофта еще: „Катасаги“, „Санъіенъ“, Ханъ-іенъ“,и „Каймонъ“, три большихъ транспорта и пять контръ-миноносцевъ.

---

[1]) (См. Конецъ Осады Портъ-Артура стр.133 и 223).

Если бы съ началомъ войны адмиралъ Макаровъ больше вѣрилъ бы въ мины, а адмиралъ Витгефтъ не вмѣшивался бы въ дѣло Лощинскаго, то навѣрное результаты минной обороны были бы еще значительнѣе.

Не смотря на эти препятствія, морской фронтъ крѣпости и его фланги были обезпечены отъ бомбардировки и другихъ операцій съ моря и весь огонь нашихъ прибрежныхъ батарей былъ направленъ на блокирующую линію противника, что значительно увеличивало обороноспособность нашего сухопутнаго фронта. Роль минной обороны невидная и скромная, но исторія оцѣнитъ по достоинству ея значеніе для крѣпости и ея руководителя.

За перечисленными идетъ сонмъ погибшихъ и живыхъ офицеровъ-моряковъ, каждое отдѣльное имя которыхъ заставляетъ съ гордостью биться сердце русскаго человѣка.

Теперь о Комендантѣ Портъ-Артура Генералъ-лейтенантѣ Смирновѣ, въ опороченіи честнаго имени котораго Стессель также не останавливается положительно ни передъ чѣмъ.

Онъ, Стессель, имя котораго стало оскорбительно-нарицательнымъ, который въ теченіе всей осады, съ горстью своихъ приверженцевъ создавалъ въ крѣпости невыносимую атмосферу дѣйствій для самоотверженныхъ защитниковъ съ Комендантомъ во главѣ—теперь, позируя въ роли непризнаннаго героя, съ изумительной развязностью заявляетъ, что защищать Портъ-Артуръ мѣшалъ ему никто иной, какъ Комендантъ крѣпости!

Заявляя объ этомъ, онъ не приводитъ ни одного реальнаго доказательства, а только указываетъ, что Смирновъ въ теченіе всей осады, якобы интриговалъ противъ него и въ концѣ концовъ, съ помощью адмираловъ выпустилъ изъ крѣпости меня, чтобы этимъ путемъ разнести по всей землѣ тьму грязи.

Онъ замалчиваетъ, что творилъ въ крѣпости самъ, дѣйствительно противодѣйствуя во всемъ Коменданту, узурпировавъ путемъ подлога его власть и до конца осады, на каждомъ шагу, при низкомъ сотрудничествѣ Фока, мѣшалъ ему защищать крѣпость.

Припомнимъ въ краткихъ чертахъ выдающіеся его подвиги, шедшіе въ разрѣзъ съ распоряженіями Коменданта, вызванными требованіями боевой обстановки осажденной крѣпости:

1) Безалаберно-неумѣлая реквизиція, оставившая Артуръ безъ рогатаго скота и провіанта.

2) Противодѣйствіе цѣлесообразному укрѣпленію Киньчжоуской позиціи.

3) Игнорированіе Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотъ, что роковымъ образомъ отозвалось на оборонѣ Артура.

4) Сказка Квантунской Шехерезады о г. Дальнемъ. (См. Правда о Портъ-Артурѣ часть I).

5) Исторія съ перевязочнымъ матеріаломъ на ст. Тафашинъ.

6) Настойчивое властное противодѣйствіе въ переносѣ центра тяжести военныхъ операцій въ тотъ пунктъ Квантунскаго полуострова, на которомъ непріятель началъ бы высадку и циничное бахвальство: „пусть больше высаживаются, никто не уйдетъ".

7) Отсутствіе какого бы то ни было плана обороны раіона.

8) Противодѣйствіе въ укрѣпленіи Высокой горы, Артурской „Голгофы", какъ назвалъ ее покойный Кондратенко.

9) Противодѣйствіе распоряженіямъ Коменданта о невывозѣ изъ Артура продовольствія.

10) Противодѣйствіе всѣмъ распоряженіямъ Коменданта и въ частности не завѣшиваніе ночью оконъ, преслѣдованіе за напоминаніе объ этомъ жандармовъ, окончившееся выселеніемъ ихъ за Ляотешань.

11) Посылка полицеймейстера Тауца съ партизанскимъ отрядомъ вопреки, запрещенія Коменданта крѣпости, (отрядъ Тауца грабилъ мирныхъ китайцевъ).

12) Широкое гостепріимство Стесселя у себя въ домѣ, гдѣ всѣ недовольные Комендантомъ находили удовлетвореніе и фактическую поддержку.

13) Киньчжоускій бой.

14) Бѣгство къ Артуру.

15) Операціи Фока на Юпедазскомъ горномъ кряжѣ.

16) Вторичное бѣгство къ Волчьимъ горамъ.

17) Бой на Волчьихъ горахъ и неожиданное очищеніе ихъ.

18) Этотъ пунктъ передаю словами генерала Смирнова.

„...Но наилучшею иллюстраціей отношеній Ген. Стесселя къ дѣлу подготовки крѣпости къ оборонѣ и ко мнѣ лично, можетъ служить слѣдующее: когда прервано было сообщеніе Артура съ дѣйствующей арміей, то большинство жителей поспѣшило изъять изъ Русско-Китайскаго банка

свои деньги. Въ результатѣ банкъ оказался безъ наличныхъ денегъ и находящіеся тогда въ банкѣ 200.000 руб., такъ называемаго „кредита обороны", я не могъ фактически расходовать. Между тѣмъ въ корпусномъ казначействѣ III спб. корпуса состояло тогда наличными деньгами болѣе 1.200.000 р Наличные деньги мнѣ были крайне необходимы въ виду требованія расплачиваться ежедневно съ китайцами-рабочими, составъ которыхъ мѣнялся ежесуточно. Я направилъ начальника инженеровъ крѣпости полковника Григоренко къ Ген. Стесселю съ просьбою ссудить временно 50.000 руб. изъ корпуснаго казначейства, взамѣнъ чего на эту сумму мною будетъ сдѣланъ переводъ на Русско-Китайскій банкъ, куда притокъ денегъ можно ожидать черезъ нѣсколько недѣль. Ген. Стессель отказалъ полковнику Григоренко ссудить эту сумму Тогда я самъ отправился къ Ген. Стесселю, изложилъ ему крайнюю необходимость этой суммы и просилъ сдѣлать эту ссуду на нѣсколько недѣль. Ген. Стессель отказалъ и мнѣ, не объясняя даже мотива и только прибавивъ, что эти деньги принадлежатъ III корпусу и должны при немъ остаться. На заявленіе мое, что я принужденъ буду остановить работы на укрѣпленіяхъ черезъ 2, много 3 дня, Ген. Стессель мнѣ отвѣтилъ, что это не его дѣло. Дѣло принимало характеръ какого то издѣвательства не только надо мною, какъ комендантомъ крѣпости, но и надъ самой подготовкой крѣпости къ оборонѣ.

Поборовъ въ себѣ обиду, я вызвалъ Ген. Кондратенко, къ которому былъ расположенъ Ген. Стессель, объяснилъ ему въ чемъ дѣло и предложилъ немедленно отправиться къ Ген. Стесселю и во что бы то ни стало выпросить у него какую либо сумму въ счетъ моего кредита обороны. Ген. Кондратенко дѣйствительно удалось выпросить у Ген. Стесселя 15 000 руб. Въ послѣдующемъ удалось взять еще изъ корпуснаго казначейства нѣсколько десятковъ тысячъ, затѣмъ явилась возможность черпать понемногу изъ банка. Въ общемъ, хотя кризисъ этотъ миновалъ благополучно и работы не прекращались, но всетаки приходилось сдерживаться вести ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

На этотъ характерный фактъ нашихъ отношеній я просилъ бы обратить особое вниманіе.

Въ послѣдующемъ я старался избѣгать по возможности дѣлать о чемъ либо докладъ и испрашивать указаній у Ген. Стесселя, а дѣйствовалъ самостоятельно и только

когда дѣло соприкасалось съ компетенціей власти его, какъ начальника раіона, я посылалъ Ген. Кондратенко къ Ген. Стесселю и тогда могъ надѣяться на успѣхъ дѣла.

Послѣ катастрофы у Кинь-чжоу (13-го мая). я изготовилъ приказъ о размѣщеніи имѣющихъ вступить въ крѣпость войскъ и диспозицію о распредѣленіи войскъ на линіи обороны. Съ этимъ приказомъ и диспозиціей я явился (18-го мая) къ Ген. Стесселю, считая своимъ долгомъ предварительно его съ ними ознакомить, какъ своего начальника. Ни мой приказъ, ни диспозицію Ген. Стессель не позволилъ мнѣ даже ему прочесть, объявивъ, что отдача таковыхъ несвоевременна и что отдача подобнаго приказа о расположеніи штабовъ полковъ въ тѣхъ или другихъ пунктахъ города сдѣлается черезъ китайскихъ шпіоновъ извѣстнымъ японцамъ, а отсюда они могутъ судить о боевомъ расположеніи на веркахъ. И это мнѣ было сказано послѣ того, какъ цѣлая диспозиція по распредѣленію войскъ на горахъ была отдана имъ въ формѣ приказа отъ 16-го мая за № 272! Далѣе Ген. Стессель объявилъ мнѣ, что такъ какъ раіонъ, коего онъ состоитъ начальникомъ, почти уже занятъ японцами и остается, собственно говоря, одинъ Артуръ съ его эспланадою, то онъ всецѣло беретъ на себя его оборону; а штабъ крѣпости расформируетъ, какъ учрежденіе лишнее при существованіи штаба III сиб. корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ штаба раіона; Полковника Хвостова пошлетъ командовать батальономъ, а меня будетъ считать въ своемъ распоряженіи, ибо двухъ равныхъ властей въ одномъ мѣстѣ не должно быть. На это все я ему доложилъ, что на должность Коменданта крѣпости Портъ-Артура я назначенъ Высочайшимъ приказомъ, а штабъ крѣпости есть органъ Коменданта, установленный Высочайшимъ повелѣніемъ; отъ своихъ правъ, какъ и отъ своихъ обязанностей я отказываться не намѣренъ. Онъ, Ген. Стессель, какъ мой начальникъ, можетъ давать мнѣ общія указанія касательно обороны и управленія Крѣпостью, но хозяиномъ ея остаюсь я, пока Высочайшею властью не буду отъ этого отставленъ. Впрочемъ онъ своею властью можетъ меня удалить отъ должности въ случаѣ, не терпящемъ отлагательства, для чего слѣдуетъ тогда отдать приказъ. Выслушавъ это, Ген. Стессель мнѣ заявилъ, что удалять меня отъ должности онъ не намѣренъ, что я останусь Комендантомъ Крѣпости, но распоряжаться въ послѣдней будетъ онъ, Стессель, а законно-ли это или нѣтъ, онъ отвѣтственность беретъ на себя. На этомъ разговоръ былъ

прерванъ приходомъ постороннихъ лицъ. Во время же всего этого разговора присутствовали Ген. Никитинъ и полковникъ Хвостовъ. На слѣдующій день я призвалъ къ себѣ Ген. Кондратенко и полковника Рейса, и объявилъ имъ весь свой разговоръ съ Ген. Стесселемъ, затѣмъ обратившись къ нимъ, какъ къ офицерамъ Генеральнаго Штаба и однимъ изъ главныхъ дѣятелей по защитѣ крѣпости, я изложилъ имъ по данному вопросу свое мнѣніе, заключающееся въ слѣдующемъ: „Ген. Стессель, вслѣдствіе отсутствія познаній по части артиллерійской и инженерной руководить обороной крѣпости по этимъ отдѣламъ не можетъ, что-же касается войсковой части, для чего собственно, какъ я подозрѣваю, онъ былъ оставленъ на Квантунѣ, то, въ виду проявленной имъ неоднократно трусости, онъ руководить и этой частью не въ состояніи и будетъ только деморализировать войска.

„Я полагаю, что истиннымъ мотивомъ затереть и обезличить меня является съ его стороны забота, чтобы я не вырвалъ у него того лавроваго вѣнка, который онъ такъ искусно плететъ ложью своихъ донесеній и рекламой въ газетахъ. Какъ старый кадетъ, я чувствую отвращеніе къ какимъ либо жалобамъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ онѣ будутъ только мнѣ во вредъ, ибо Генералъ Куропаткинъ покровительствуетъ ему, какъ своему однокашнику-товарищу, а Адмиралъ Алексѣевъ благоволитъ къ нему, какъ къ своему доброму знакомому и вѣритъ въ его мужество. Чтобы не заводить кляузъ на всю Россію, я готовъ впередъ отказаться отъ какихъ-либо лавровъ, пусть Стессель этого не боится, но необходимо разграничить власть, при чемъ я всѣми отдѣлами, за исключеніемъ чистой обороны крѣпости, готовъ въ той и другой степени поступиться“. На это все Полковникъ Рейсъ мнѣ заявилъ, что всѣ недоразумѣнія и непріятности происходили до сихъ поръ вслѣдствіе дурнаго вліянія на Генерала Стесселя разныхъ лицъ *) и что онъ эти дурныя вліянія постарается парализовать. Генералъ же Кондратенко попросилъ меня дать ему диспозицію для прочтенія ея Генералу Стесселю предварительно отдачи ея по войскамъ, обѣщая возвратить ее не позже слѣдующаго дня. Не знаю, что говорили Генералу Стесселю Генералъ Кондратенко и Полков-

*) Генераловъ Фока и Никитина

никъ Рейсъ, но на слѣдующій день диспозиція мнѣ была возвращена на предметъ отданія ея войскамъ въ свое время: въ приказѣ же по раіону отъ 20-го мая за № 285 указано было на наши отношенія въ той редакціи, которую я предложилъ Полковнику Рейсу. Дѣло казалось какъ бы нѣсколько улаженнымъ. Хотя вмѣшательство Генерала Стесселя въ мое дѣло и продолжалось, но уже не имѣло прежняго злостнаго характера.

19) Вредное вмѣшательство въ дѣло вылазокъ, которое комендантомъ считалось въ высшей степени важнымъ въ ходѣ успѣшной обороны, закончившееся приказомъ о поручикѣ Ендржеевскомъ, въ корнѣ подорвавшимъ дѣятельность офицеровъ съ этой стороны.

20) Пріемъ совершенно неизвѣстныхъ корреспондентовъ, обѣдъ ихъ у Стесселя, осмотръ ими крѣпости и отъѣздъ изъ послѣдней, вопреки категорическому протесту Смирнова.

21) Неосновательное и вредное вмѣшательство въ артиллерійскую оборону, вызвавшее безтолковый расходъ снарядовъ.

22) Минированіе собственныхъ фортовъ.

23) Поощреніе „записокъ“ Фока въ буквальномъ смыслѣ разлагающе дѣйствовавшихъ на гарнизонъ.

24) Преслѣдованіе Фокомъ Кондратенко при скрытомъ покровительствѣ Стесселя.

25) Закрытіе Отрядной церкви.

26) Безпричинное закрытіе газеты „Новый Край“.

27) Несправедливая и пристрастная раздача наградъ. Награждались, главнымъ образомъ, угодныя Стесселю и его супругѣ лица.

28) Запрещеніе работъ на II и III линіи съ предвзятымъ намѣреніемъ, ослабивъ этимъ оборону, оправдать впослѣдствіи сдачу крѣпости.

29) Совѣтъ обороны 25 Ноября, на которомъ Стессель предложилъ Рейсу возбудить вопросъ о сдачѣ крѣпости и письменный отказъ его отъ этого.

30) Запрещеніе довольствовать гарнизонъ кониной, благодаря чему началась страшно быстро развиваться цынга, оказавшаяся губительнѣе всякихъ штурмовъ.

31) Назначеніе Фока на мѣсто убитаго генерала Кондратенко, вопреки энергичному протесту коменданта, предлагавшему лично взять на себя обязанности начальника сухопутной обороны, за полнѣйшей неспособностью Фока къ этой дѣятельности.

32) Очищеніе форта II, вызвавшее телеграмму Смирнова главнокомандующему слѣдующаго содержанія:

„2-го декабря убитъ Генералъ Кондратенко, исполнявшій обязанности Начальника сухопутной обороны. На его мѣсто Генералъ—Адъютантомъ Стесселемъ назначенъ Генералъ Фокъ, хотя я просилъ чтобы Генералу Фоку былъ врученъ только западный фронтъ, отъ фортовъ котораго противникъ находится еще въ верстѣ, а на себя хотѣлъ принять кромѣ комендантскихъ еще непосредственно обязанности начальника сухопутной обороны восточнаго фронта, гдѣ на форту II, форту III и укрѣпленіи 3-мъ непріятель сидитъ уже на брустверахъ. Первымъ дѣломъ новаго начальника обороны было распоряженіе, основанное на данномъ ему непосредственно Генераломъ Стесселемъ указаніи, взорвать казематы форта II и очистить послѣдній. Сдѣлано это было помимо меня, даже объ этомъ меня не увѣдомивъ и ни спрашивая ни моего, ни совѣта обороны заключенія, вопреки выраженному ранѣе моему по этому предмету мнѣнію. Систематическое игнорированіе Генераломъ Стесселемъ моихъ правъ Коменданта крѣпости, въ особенности по части административной и госпитальной практикуется съ сентября мѣсяца и хотя престижъ мой подрывался постоянно разными распоряженіями по крѣпости помимо меня, но самая оборона крѣпости мало страдала вслѣдствіе полнаго согласованія съ моими взглядами Начальника сухопутной обороны, Начальника Артиллеріи и Начальника Инженеровъ. Въ настоящее время, когда столь важный вопросъ, какъ сдача форта, рѣшенъ помимо меня, и по моему разумѣнію въ ущербъ дѣлу обороны, я прошу о подтвержденіи Генералу Стесселю моихъ правъ Коменданта крѣпости согласно положенія объ управленіи крѣпостями съ воспрещеніемъ вмѣшательства, или же о снятіи съ меня всякой отвѣтственности за послѣдующую оборону крѣпости и сложеніи съ меня обязанностей коменданта. 7-го декабря № 1282. Генералъ-Лейтенантъ Смирновъ".

32) Постоянная и всюду проявляемая трусость Стесселя, значительно понижавшая духъ гарнизона.

33) Очищеніе форта III и укрѣпленія III, какъ неизбѣжное слѣдствіе сдачи форта II.

34) Посылка парламентера.

Вотъ только краткій, сухой перечень фактовъ, обнажающихъ злую волю человѣка, который, не имѣя ни нравственныхъ, ни юридическихъ основаній, печатно чернитъ

теперь генерала—война, генерала, храбростью котораго, исключительной энергіей, военными способностями, преданностью долгу, умѣньемъ и адской выдержкой въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ крѣпости, создалось величіе одиннадцати мѣсячной обороны Артура!

Бросая теперь, передъ судомъ при посредствѣ нѣкоего господина В. Руадзе, искренне-лживое печатное слово, онъ, Стессель, болѣе, чѣмъ легкомысленно надѣется, что одураченное имъ уже общество опять также легко поддастся его краснорѣчивой лжи, какъ оно поддалось ей въ минувшіе дни Артура!!

„....Миноносецъ „Расторопный", на которомъ былъ отправленъ Ножинъ, своей исправностью послужилъ не для того, чтобы нанести чувствительный вредъ нашимъ врагамъ Японцамъ, но чтобы перевезти изъ Артура и разнести по всей землѣ тьму грязи и т. д.—такъ говоритъ генералъ Стессель.

Послѣ штурма Высокой горы, Стессель, находясь въ Новомъ Китайскомъ городѣ, въ 12 верстахъ отъ мѣста штурма, въ присутствіи многихъ офицеровъ, въ томъ числѣ инженеръ—капитана Родіонова говоритъ: „Вонъ на Высокой сидитъ Ножинъ и указываетъ японцамъ способъ скорѣе овладѣть Артуромъ".

Вернувшись въ Россію, онъ подаетъ шесть рапортовъ Морскому и Военному Министрамъ, въ коихъ настаиваетъ на преданіи суду коменданта и адмираловъ за преднамѣренный выпускъ измѣнника изъ Артура.

Представъ предъ слѣдственной коммиссіей генералъ-адьютанта Роопа и на вопросъ, почему онъ сдалъ Артуръ, Стессель, не отвѣчая по существу дѣла, заявилъ, что генералъ Смирновъ и адмиралы выпустили изъ крѣпости измѣнника.

Исторія моего отъѣзда изъ Артура подробно изложена въ рапортѣ одного изъ адмираловъ Морскому Министру, приблизительное содержаніе этого рапорта я привожу здѣсь:

„Комендантъ просилъ контръ-адмирала Григоровича, которому Намѣстникомъ было поручено отправленіе почты, отправить при случаѣ на миноносцѣ корреспондента Ножина. Объ этомъ стало извѣстно и контръ-адмиралу Лощинскому, который ничего не имѣлъ противъ. Въ частныхъ разговорахъ съ Комендантомъ выяснилось, что генералъ Стессель послѣ того, какъ Ножинъ пересталъ описывать его дѣятельность и началъ писать о генералѣ Смирновѣ, сопровождая того всюду по оборонительной линіи, лишилъ Ножина званія военнаго корреспондента, даннаго ему Намѣстникомъ, запретивъ въ тоже время газету „Новый Край"

Миноносецъ съ почтою предполагалось отправить около 20 го октября, такъ какъ съ 15 Августа мы не имѣли никакихъ извѣстій и сами о себѣ ничего не давали знать. Объ этомъ предположеніи было извѣстно генераламъ: Стесселю и Смирнову. Рѣшили сначала послать миноносецъ „Сердитый“ съ тѣмъ, чтобы онъ высадилъ офицера съ почтой въ Чифу и въ слѣдующую ночь снова пришелъ бы за нимъ. Попытка дѣлалась три раза, но безуспѣшно т. к. „Сердитый“ постоянно встрѣчалъ блокирующія суда и не успѣлъ бы вернуться въ ту же ночь въ Артуръ. Тогда рѣшили отправить катеръ Намѣстника „Орелъ“ съ вольнымъ штурманомъ и офицеромъ. Двукратная попытка „Орла“ не имѣла успѣха, т к. вольный штурманъ не умѣлъ съ нимъ справиться. Тогда рѣшили послать разоруженный минный крейсеръ „Всадникъ“ съ тѣмъ, что бы онъ довезъ почту въ Чифу и тамъ остался. Крейсеръ этотъ поручили изготовить къ походу лейтенанту Пленъ, весьма отважному офицеру, зарекомендовавшему себя отличной постановкой минъ подъ огнемъ непріятеля. Пленъ въ день выхода доложилъ, что осмотрѣвъ крейсеръ, онъ не разсчитываетъ прорвать блокаду, т к. судно значительно больше миноносца, лучше видно и имѣетъ меньшій ходъ. Спрошенный по этому поводу Капитанъ II ранга Криницкій (начальникъ отряда миноносцевъ), указалъ для этой цѣли миноносецъ „Расторопный“, какъ наименѣе цѣнное судно. Для окончательнаго рѣшенія вопроса были собраны лейтенанты: Пленъ, Лепко и Тырковъ, изъ коихъ Лепко не явился. Между тѣмъ 1-го Ноября луна заходила въ 11 часовъ ночи и дольше отправку судна откладывать было нельзя. Поэтому рѣшили назначить Командиромъ Лейтенанта Пленъ, вмѣсто Лепко т. к. на Плена были заготовлены кредитивы, въ виду прежняго предположенія отправить его на „Всадникѣ“, а переписывать кредитивы было уже поздно. Кромѣ того, три дня тому назадъ на совѣщаніи, Лейтенантъ Лепко на вопросъ, какъ онъ будетъ прорывать блокаду, далъ странный отвѣтъ, заявивъ, что онъ начнетъ это днемъ въ виду японскихъ миноносцевъ, чѣмъ далъ поводъ усумниться въ его нормальности. Между прочимъ еще въ Августѣ Капитанъ II ранга Криницкій заявилъ, что здороваясь съ Лепко, послѣдній не подалъ ему руки, сказавъ, что не желаетъ дѣлать этого. Адмиралъ Лошинскій тогда еще призвалъ Лепко и сдѣлавъ выговоръ, предложилъ ему извинится. Все это вмѣстѣ взятое дало поводъ не поручать, Лепко серьезныхъ задачъ, каковой являлся походъ въ Чифу.

Въ виду только этого и былъ назначенъ Лейтенантъ Пленъ, а вовсе не потому, что Лепко не взялъ бы Ножина, т. к. съ первымъ не было объ этомъ и рѣчи. Въ періодъ этихъ переговоровъ Стессель просилъ адмираловъ Лощинскаго и Григоровича не давать Ножину возможности выѣхать изъ Артура. Но они и Комендантъ крѣпости, обсудивъ всесторонне этотъ вопросъ, рѣшили, что вернуть Ножина поздно, ибо генералъ Стессель отъ Ножина же узнаетъ, что разрѣшеніе выѣзда дано генераломъ Смирновымъ и тогда между ними еще болѣе обострятся отношенія, что неизбѣжно отразится на оборонѣ крѣпости. Относительно личности Ножина можно сказать, что онъ былъ принятъ въ обществѣ и на судахъ отлично. По мнѣнію Коменданта это былъ храбрый корреспондентъ, изъ любви къ дѣлу даже не боявшійся пуль. Самъ генералъ Стессель пока ѣздилъ съ нимъ, благоволилъ къ нему, приглашалъ обѣдать и даже прислалъ разъ благодарственное письмо *) за статью, которая ему понравилась. 4 Августа, когда были посланы парламентеры къ японцамъ съ отвѣтомъ на ихъ преложеніе сдать Артуръ, то переводчикомъ былъ Ножинъ. Послѣ сдачи Артура Корпуса инженеръ-механиковъ, Генералъ-Лейтенантъ Линдебекъ, говоря съ генераломъ Стесселемъ о Ножинѣ, спросилъ его, почему онъ считаетъ послѣдняго неблагонадежнымъ. На это Стессель отвѣтилъ, что таково мнѣніе жандармскаго офицера подполковника Уранова, который однако ничего подобнаго не передалъ своему преемнику ротмистру князю Микеладзе. Если генералъ Стессель зналъ о неблагонадежности Ножина, то зачѣмъ же онъ послѣ отъѣзда Уранова принималъ и довѣрялъ Ножину, до тѣхъ поръ пока не появилась статья въ „Новомъ Краѣ", процензурованная штабомъ раіона, изъ за которой Стессель закрылъ газету на мѣсяцъ, а Ножина лишилъ званія военнаго корреспондента, воспретивъ пускать его на батареи. Съ 19 сентября по 1 ноября Ножинъ не посѣщалъ оборонительной линіи, а за это время произошло много перемѣнъ въ боевой обстановкѣ крѣпости, чего Ножинъ не видѣлъ и слѣдовательно не могъ сообщить японцамъ. Допустивъ даже, что онъ всетаки шпіонъ, невольно рождается вопросъ—зачѣмъ ему было ожидать десять дней ухода миноносца съ рискомъ по пути взорваться на минахъ или погибнуть въ морскомъ бою при встрѣчѣ съ непріятелемъ, когда легче и проще было бы

*) См. факсимиле этого письма „Правда „П.-Артурѣ," часть I. стр. 204.

перескочить изъ нашихъ окоповъ въ японскіе, бывшіе недалеко другъ отъ друга. Кромѣ того, если бы Ножинъ былъ шпіонъ, то онъ посовѣтовалъ бы японцамъ вести атаку крѣпости въ нѣсколькихъ пунктахъ, а не въ одномъ только, что давало намъ возможность сосредоточивать наши скудные резервы въ нужномъ мѣстѣ. Вѣроятно также, если-бы Ножинъ былъ шпіонъ, то онъ находился бы теперь въ Токіо, а не въ Петербургѣ. Самъ же Стессель, несмотря на предупрежденіе Коменданта объ американскихъ корреспондентахъ, принималъ ихъ, показалъ верки крѣпости и выпустилъ ихъ изъ Артура. Также не выдерживаетъ критики, что миноносецъ былъ посланъ спеціально для спасенія Ножина, ибо рѣчь о посылкѣ миноносца была много раньше разговора о Ножинѣ и это рѣшено было совѣтомъ адмираловъ, о чемъ они извѣстили генераловъ Стесселя и Смирнова."

Къ изложенному въ этомъ рапортѣ я могъ бы прибавить очень и очень много интересныхъ подробностей, но не желая утомлять читателя тѣмъ, что мнѣ пришлось пережить въ Артурѣ, въ періодъ диктаторства Стесселя, въ лицѣ русскаго военнаго корреспондента, заявившаго ему 26 Августа о цѣли своего пріѣзда писать правду и только правду—полагаю, что непредубѣжденному читателю будетъ вполнѣ ясно, въ какую форму послѣ этого могли вылиться отношенія ко мнѣ Стесселя (см. Правда о Портъ Артурѣ т. II стр 679), а потому я считаю совершенно излишнимъ детально разбирать сдѣланную въ брошюрѣ оцѣнку моей личности и дѣятельности, оставляя все это на совѣсти г.г. Стесселя и В. Руадзе.

Сколько же злобы, ненависти было въ душѣ этого человѣка, если даже по прибытіи моемъ въ Чифу, гдѣ я уже находился внѣ сферы его вліянія, переживъ всѣ тяготы Артура наравнѣ со всѣми его доблестными защитниками, да еще въ послѣдніе дни подъ страхомъ быть повѣшеннымъ, какъ предатель, послѣ шестикратной попытки прорвать блокаду, онъ донесъ спеціальной депешей Государю Императору слѣдующее:

Его Императорскому Величеству.

„Ночью третьяго ноября на миноносцѣ „Расторопный". о выходѣ котораго я не былъ даже увѣдомленъ, выѣхалъ изъ Артура въ Чифу бывшій военный корреспондентъ Ножинъ, которому я воспретилъ быть корреспондентомъ, какъ крайне неблагонадежному, о которомъ имѣю свѣдѣнія, что онъ можетъ служить и непріятелю. Адмиралы Григоровичъ

и Лощинскій были поставлены мною въ извѣстность о воспрещеніи выѣзда Ножина изъ Артура. Еще 23 октября Ножинъ выходилъ на миноносцѣ „Сердитый“, но не пришелъ въ Чифу, такъ какъ миноносецъ возвратился. Есть еще одно лицо, которое способствовало Ножину скрыться, но я не имѣю еще точныхъ данныхъ. Просилъ консула арестовать Ножина и донесъ главнокомандующему.“

Стессель“*).

Благодаря этому донесенію я лишился нравственнаго и физическаго покоя даже въ Чифу.

16 декабря 1904 года явился ко мнѣ консулъ и, по приказанію главнокомандующаго, связавъ, арестовалъ, пытаясь на задержанномъ пароходѣ „Цинтао“ отправить меня въ Тянь-Цзинь, гдѣ ожидали уже казаки при офицерѣ, для конвоированія въ главную квартиру. Освобожденіемъ своимъ я былъ обязанъ чисто случайному вмѣшательству китайскихъ властей.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ тяжеломъ въ артурской драмѣ—о численности сданнаго гарнизона.

Генералъ Стессель, сдавая крѣпость японцамъ, показалъ, что у него подъ ружьемъ осталось всего лишь 9,000 людей, напоминавшихъ тѣни.

При подсчетѣ 24 декабря оказалось 27.000, изъ которыхъ 3,000 какъ внушающихъ серьезное опасеніе за ихъ здоровье, японцы вернули въ госпитали. Такимъ образомъ численность сданнаго гарнизону равнялась 24.000, среди которыхъ дѣйствительно было много больныхъ, жаждавшихъ раздѣлить участь своихъ товарищей. Они не могли, это было свыше ихъ силъ оставаться въ томъ Артурѣ, гдѣ все напоминало объ ужасахъ минувшей борьбы, скорбныхъ дняхъ обороны, увѣнчанной позоромъ преждевременной сдачи.

„Я не объѣзжалъ войска, мнѣ было больно, безвыходно тяжело..“—говоритъ Стессель.

Нѣтъ, не за предательски сданный гарнизонъ Вы болѣли душой генералъ Стессель. Вы боялись показаться войскамъ даже конвоируемые сотней вооруженныхъ казаковъ, предусмотрительно выговоренныхъ Вами у генерала Ноги.

Вы боялись появиться среди нихъ, такъ какъ однимъ видомъ Вы могли довести этихъ измученныхъ людей, до страшнаго взрыва, таившагося въ нихъ негодованія!!

*) Послана 13 ноября въ день жесточайшаго штурма

Чужимъ Вы были имъ во время всей осады, чужимъ для нихъ Вы были и въ эти тягостныя минуты, чужимъ и ушли Вы отъ нихъ, не понявъ ихъ души, не оцѣнивъ ихъ безконечныхъ нравственныхъ страданій!!

Вы ушли, лихорадочно стремясь обезпечить себѣ покой и комфортъ, упиться славой и пожать на родинѣ лавры героя. А создавшихъ Вамъ эти лавры, загубленныхъ, исковерканныхъ жертвъ, калѣкъ, страдальцевъ, не задумываясь бросили на милость побѣдителя. Что же перенесли эти рядовые бойцы въ Артурѣ послѣ капитуляціи и въ плѣну знаютъ только они, выпившіе и эту чашу испытаній до конца!

Такъ неужели же теперь Вы не могли имѣть достаточно гражданскаго мужества покорно ждать приговора суда и не чернить достойныхъ людей? Вѣдь они, испытавъ лишь одни нравственныя страданія, даже въ позорномъ финалѣ разъигранной Вами ужасной трагедіи, предпочли раздѣлить участь малыхъ сихъ и выпить горькую чашу испытаній до конца, а не съ открытымъ безстыдствомъ на челѣ вернуться въ униженное отечество, чтобы срывать незаслуженные лавры, какъ это сдѣлали Вы и Ваши клеврeты!

Предоставьте же обществу въ лицѣ его лучшихъ людей сказать свое послѣднее слово и помните, что, какъ Судъ Божій, такъ и судъ людской, будетъ судить Васъ не только съ генераломъ Смирновымъ, но и съ живыми и мертвыми Артурцами, а за ними и со всею Россіей, честь и слава которой была такъ довѣрчива вручена Вамъ Куропаткинымъ.

И не марайте себя окончательно анонимной защитой „Артурца“ на протяженіи всего письма котораго красною нитью проглядываетъ желаніе услужливаго холопа угодить хоть чѣмъ-нибудь своему господину.

Какую пропасть злой воли Стесселя вскрываетъ обвинительный актъ, но о какой невскрытой безднѣ ея свидѣтельствуетъ „отповѣдь“!

Если неразвитый, совершившій преступленіе солдатъ, старательно лжетъ передъ слѣдствіемъ и судомъ, въ наивномъ предположеніи замести слѣдъ преступленія, то уже генералъ, его начальникъ,—слѣдующій этимъ путемъ, по истинѣ достоинъ только презрѣнія!

Примѣръ въ арміи—все!

Близокъ судъ надъ Стесселемъ!

Россія и армія ждетъ приговора.

Е. К. Ножинъ.

СОЦИ...